

И. М. Эрлихсон

АНГЛИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ АНТИУТОПИЯ И САТИРА РЕСТАВРАЦИИ И РАННЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (1660–1714)

В статье анализируются сюжет и жанровые особенности произведений английских авторов второй половины XVII – начала XVIII веков. Жанр абсолютистской антиутопии (иногда в форме фривольного анекдота) стал тонкой и злой сатирой на реставрационную Англию и свидетельством глубокого кризиса консервативно-патриархального направления английской общественной мысли рассматриваемого периода.

I. Erlikhson

BRITISH SOCIAL ANTI-UTOPIA AND SATIRE DURING THE RESTORATION AND THE EARLY ENLIGHTENMENT EPOCH (1660–1714)

The author of the paper analyses the plots and genre peculiarities of English novels written in the second half of the 17th and early 18th centuries. The genre of absolutist anti-utopia (sometimes in the form of a frivolous anecdote) became subtle and bitter satire on the Restoration England and evidence of severe crisis of the conservative and patriarchal direction of English social thought of the period under consideration.

Период 1659–1660 гг. стал временем глубокого внутривластного и экономического кризиса Англии. После недолгого пребывания у власти слабавольного Ричарда Кромвеля, которого метко окрестили «Незадачливым Диком», Англия была официально провозглашена республикой, но это не могло серьезно повлиять на сложившуюся внутривластную и экономическую ситуацию. Известный советский историк Т. А. Павлова характеризовала этот период следующим образом: «Опыт Второй республики (особенно конца ее) — это осознание английскими собственниками неустойчивости республики, ее неспособность обеспечить стабильность новых отношений, обезопасить их от народных мятежей. С другой стороны, и беднейшие слои народа не в меньшей мере осознали нежелание республики что-либо предпринимать для облегчения их положения» [3, с. 188]. В стране царили разруха и голод, вызванные неурожаями; увеличивались налоги; война с Испанией привела к застою в ряде отраслей экономики, что отражалось на беднейших слоях населения; серьезные

финансовые затруднения возникли в результате завоевательной внешней политики. Англия погружалась в анархию, и королевская власть представлялась уже не инструментом тирании, а оплотом порядка и общественной стабильности, и «возврат к «охранительной» политике Стюартов казался какой-то части народа якорем спасения» [3, с. 188].

В последних числах апреля 1660 г. начал работу реставрационный Конвент, основной задачей которого было решение вопроса о государственном устройстве Англии. Решающим аргументом для членов Конвента стала Бредская декларация, в которой будущий король Карл II обещал помилование всем участникам революции, за исключением лиц, причастных к убийству Карла I; признавал отмену рыцарского держания и результаты земельных конфискаций и продаж периода революции, а также гарантировал созыв нового парламента и реализацию принципа свободы совести. После того как посланец короля Джон Гренвиль зачитал текст декларации, членами Конвента был немедленно составлен

ответный адрес, в котором они выражали «великие и радостные чувства, вызванные великодушными предложениями короля, и почтительную и искреннюю благодарность за это с заверениями их преданности и подчинения Его Величеству» [15, p. 23].

В мае 1660 г. Карл II со своим двором вернулся в Лондон. Знаменитый английский мемуарист Джон Эвелин (1620–1706) так описывал это событие: «Сегодня его Величество вернулся из изгнания. Сегодня день рождения короля. Его праздновали более 20 000 человек. Многие размахивали саблями и кричали в восторге. Улицы были усыпаны цветами, вино лилось рекой. Лорды и дворяне были одеты в бархат, расшитый серебром и золотом. Веселье продолжалось семь часов» [8, p. 246]. Встреча короля оказалась достойной прелюдией к эпохе его правления, когда, по свидетельству Гилберта Бернета¹, «дух необычайной радости распространился по всей нации и принес с собой избавление от всяких признаков добродетели и благочестия. Все окончилось, – продолжал Бернет, – увеселениями и пьянством, которые переполнили королевство до такой степени, что мораль подверглась сильнейшему разложению» [6, p. 166]. Вернувшись из Франции, Карл II стремился во всем копировать черты двора Людовика XIV, который был самым изысканным и блестящим, но одновременно самым распущенным в Европе. Особенно молодой король преуспел в имитации последнего аспекта, перенеся в Уайтхолл атмосферу необычайной вольности нравов. Это дало основание его первому министру Кларендону так охарактеризовать начало его правления: «...повсюду царит безумный разврат, народ ропщет, грязная низкая любовь к деньгам рассматривается как высшая мудрость; моральное разложение как зараза, ползет по городу, многие забыли, что такое дружба, совесть, общественный долг» [4, p. 18].

Тем не менее суммы, выделяемой парламентом на королевские расходы, явно не хватало на то, чтобы затмить великолепие

Версаля, а сторонникам монарха тори почти за двадцать лет парламентского преимущества так и не удалось законодательным путем сконцентрировать в руках Карла II власть и прерогативы в дореволюционном объеме. Не помогли ни репрессии против тех, кто способствовал казни его отца, включая тех, кому посчастливилось умереть до 1660 г., ни жестокие преследования пуритан, проводившиеся в обход Бредской декларации, ни политические процессы против тех, кого считали наиболее опасными противниками монархии. Кризис абсолютизма, который с 1649 г. воспринимался как некий анахронизм, проявлялся и в отсутствии свежих, соответствующих духу времени теорий и идей, укреплявших его идеологические основы. За годы Реставрации роялисты не создали ни одной концепции, которая могла бы сравниться по значимости и силе воздействия на общественное сознание с теоретическими достижениями их противников – Джона Локка, Генри Невилля², Олджернона Сиднея³. Более того, после 1660 г. консервативно-патриархальное направление общественной мысли Англии из области политической философии перемещается в рамки утопического жанра. При этом представления о происхождении и прерогативах института абсолютной монархии, аргументы, направленные против теории народного суверенитета и общественного договора, ничем существенно не обогатились и вплоть до конца столетия оставались на идейном уровне, заложенном в середине XVII в. Робертом Фильмером⁴. Консервативно-абсолютистские утопии оказались практически единственным типом утопии, продолжавшим жанровые и сюжетные традиции классических утопий Т. Мора и Ф. Бэкона. Как правило, сюжет абсолютистских утопий включал в себя следующие элементы: путешествие, нахождение некоего неизвестного, изолированного территориально, экономически и исторически социума, и следующее за этим, как правило, в форме диалога описание его обще-

ственно-политического и социально-экономического устройства. В своей совокупности эти составляющие присущи анонимной «Новой Атлантиде» (1660), «Скидромедии» А. Лиграна⁵ (1669), «Истории сева-рамбов» Д. Вераса⁶ (1675), «Возрожденной античности» Ф. Ли⁷ (1693) и «Блестящему миру» М. Кавендиш⁸ (1666).

Восстановление королевской власти и попытки реанимации дореволюционного уклада жизни высшего света в сочетании с царившей в обществе атмосферой всеобщей распущенности и свободы нравов обуславливало появление еще одного вида утопических произведений, откровенно критически описывающих общественно-политическую и социальную жизнь социумов с монархическим государственным устройством. Анализ сюжета и жанровых особенностей этих произведений особенно интересен, поскольку дает возможность создать более полную картину общественно-политической и социальной жизни Англии в период Реставрации и Раннего Просвещения (1660–1714 гг.)

Аристократия, понимавшая, что уже не в состоянии претендовать на восстановление прежних привилегий в абсолютном объеме, всеми силами пыталась реанимировать дореволюционную атмосферу хотя бы в пределах своего узкого круга и наверстать упущенные за два долгих десятилетия удовольствия. Это обстоятельство, а также секуляризация различных сторон общественной жизни способствовали тому, что в период Реставрации в аристократических кругах становится популярным так называемое «остроумие» (*wit*), трансформировавшееся из философского течения «либертинаж». Но если изначально либертинаж воплощал мечту человека о свободе, желанной и недостижимой силе, способной преодолеть чувство потерянности и разочарования, то при дворе Карла II, «остроумие превратило распущенность в философскую систему и породило своеобразный свод законов казуистики, которые остроумцы излагали с рвением богословов»

[11, р. 7]. «Остроумие» воспринималось как синоним беззаботной жизни, далекой от земных и обыденных дел, посвященной забавам, пирушкам, развлечениям. Светский кутила стал самым распространенным типом джентльмена-остроумца, для речи которого были свойственны манерность, вычурность, обилие иностранных заимствований, изысканность метафор и сравнений. Наряду с этим язык остроумцев изобиловал грубыми и циничными выражениями, фривольность даже не пыталась облечься в форму намека или иносказания – жесткая переломная эпоха оперировала понятиями безжалостными и беспощадными.

Либертинаж в значительной степени основывался на учения античных мыслителей Лукреция и Эпикура, но тому, что он удачно прижился на английской почве, способствовало то обстоятельство, что идеологически он подпитывался материалистической теорией выдающегося английского философа Томаса Гоббса. Огромное количество памфлетов, направленных против вольнодумства, подтверждало то, что подобные взгляды обычно ассоциировались с философскими воззрениями Гоббса, особенно с теми, которые затрагивали атрибуты христианской догматики. Так, автор памфлета «Об убеждениях мистера Гоббса» Т. Тенисон писал, что философия Гоббса, «отравляя воображение восприимчивых читателей, распространила свою мерзость и заразила даже тех, кто не читал его произведений» [7, р. 22].

Чрезвычайно импонировала вольнодумцам и гоббсовская теория человеческих желаний. От животного, человеческое желание отличается ненасытностью. Плотнo пообедав, люди думают, что завтра опять будут голодны, тем самым, преуменьшая достоинства только что съеденного стейка. Для Гоббса человек – это существо, бунтующее против внешних условий; его конечная цель иллюзорна, а повседневные желания – зыбки и ненадежны. Психология Гоббса сродни рынку, существующему в

условиях вечного дефицита и постоянного соперничества: коммерческого, сексуального, военного, интеллектуального. Безусловно, трагичный взгляд Гоббса на человека, как на пленника заведомо неудовлетворенных желаний, послужил основой для принципиально нового вида комедии, возникшей в эпоху Реставрации, — комедии нравов. Именно «гоббсовского» человека, мучимого невозможностью в полной мере удовлетворить свои желания, выводили на сцену драматурги Реставрации — У. Конгрив⁹, Дж. Фаркар¹⁰, У. Уичерли¹¹, Дж. Этеридж¹². Герои их пьес ведут беззаботную и беспорядочную жизнь, далекую от практических дел, состоящую преимущественно из пирушек, забав, любовных интриг и, конечно же, вечного соперничества. Чарльз Лэм¹³ писал: «Если перенести в действительную жизнь героев пьес Уичерли и его друга Конгрива, то все они окажутся распутниками и блудницами; а безраздельная преданность незаконным любовным похождениям — единственным смыслом их существования. Если бы таким принципам следовали бы повсеместно, то существующий порядок вещей превратился бы в хаос» [1, с. 149].

Неудивительно, что когда в 1668 г. на книжных прилавках появился роман Генри Невилля «Остров Пайна» его восприняли как очередное фривольное, с легким порнографическим оттенком произведение. Более того, эта точка зрения возобладала не только среди современников Невилля, но и исследователей его творчества. Одним из первых, кто попытался опровергнуть ее, был У. Форд, заявивший, что «подобная интерпретация превращает этот замечательный трактат в уморительный фарс, которым он ни коим образом не является» [9, р. 39].

Незамысловатый сюжет «Острова Пайна» открывается письмом Генри Корнелиуса Ван Слоттена, в котором тот повествует о достоверных событиях, произошедших с ним во время путешествия в Ост-Индию. Из Амстердама мореплаватели приплыли на острова Зеленого Мыса, где запаслись

питьевой водой, затем проследовали до острова св. Лоуренса (Мадагаскара) и добрались, наконец, до западного побережья Африки, где были застигнуты страшной бурей, продолжавшейся шестнадцать дней. Когда же шторм закончился, а небо расчистилось, путешественники поплыли на замеченный вдалеке огонь и попали на некий остров, где их встретили странные люди. Обрывки их старинной ветхой одежды «весьма небрежно прикрывали срам» [13, р. 189], говорили они на английском языке, а настроены были очень дружелюбно. Островитяне отвели моряков к своему правителю Вильяму Пайну. В его «резиденции», представлявшей собой огромный шалаш, щедро украшенный тропическими цветами, путешественники познакомились с историей Джорджа Пайна, деда нынешнего правителя, записанной на нескольких листах бумаги. Корабль, на котором он отплыл из Англии в 1589 г., попал в сильнейший шторм, и главный герой оказался на необитаемом острове. История поразительно напоминает сюжет «Робинзона Крузо», с той лишь разницей, что Пайн оказался не в одиночестве, а в обществе четырех очаровательных женщин, чем он не преминул воспользоваться. К концу жизни (а прожил он почти девяносто лет) Пайн напоминал библейского патриарха, окруженного многочисленным потомством, которое насчитывало 1789 человек.

На первый взгляд, сюжет этой, по выражению А. Мортонна, «наивной сказки, заслуживающей упоминания только из-за имени своего автора» [2, с. 105] полностью соответствовал духу Реставрации. Смешение рас (одна из женщин — негритянка), половая невоздержанность, инцест — таков список табу, с легкостью нарушаемых Джорджем Пайном и его потомками. Однако рассмотрение «Острова Пайна» в ракурсе скабрезного анекдота или манифеста полигамии [5] слишком упрощенно, так как за внешней незамысловатостью сюжета может скрываться глубокий и неоднозначный смысл.

В правление Карла II к колониальным владениям Англии в Северной Америке прибавились Карибские острова (Барбадос) и индийские территории (Танжер, Бомбей, Мадрас). В 1698 г. английское население американских колоний насчитывало 300 000 человек, и они импортировали в Англию товаров на сумму 871 832 фунтов [12, р. 156–157]. Вполне возможно, что Невилль, как и многие его современники, разделявший убеждение, что место государства на международной арене определяется его экономической мощью, базирующейся на активной внешней торговле, в аллегорической форме отобразил мечту об Англии, ставшей мощнейшей колониальной державой. Отсутствие на острове представителей других европейских держав сводит на нет вероятность торговых и военных конфликтов, необитаемость острова избавляет от необходимости налаживать контакты коренным населением. В этом случае «Остров Пайна» — это утопия об абсолютном колониальном господстве Англии, что подтверждает и тот факт, что основное повествование ведется от лица голландского купца, представителя нации, на протяжении веков соперничающей с Англией за статус «владычицы морей». Английская Ост-Индская компания была создана в 1600 г., а голландская Ост-Индская компания — в 1602 г. К 1668 г., когда был опубликован «Остров Пайна», уже завершилась очередная англо-голландская война, но подписание мирного договора в 1667 г. не устранило источник конфликта.

Удивительно, но, сравнивая две нации, Невилль, истинный англичанин и патриот своей страны, делал выбор в пользу голландцев. Это очевидно из текста: Джордж Пайн, попадая на остров, не делает практически ничего, чтобы улучшить условия жизни. Вместе со своими спутницами он собирает запасы с корабля, выброшенные на берег, сооружает примитивное жилище и предается сначала безделью, а затем плотским удовольствиям. Он даже не удосуживается обойти остров и исследовать его на

предмет наличия агрессивно настроенных аборигенов, а только «не спит три или четыре ночи в страхе, что за ним наблюдают» [13, р. 196]. Голландцы же так описывают чудесный остров: «Попадавшиеся нам на пути звери не представляли опасности для жизни и были почти ручными. Деревья гнибли под тяжестью фруктов, некоторые из них мы попробовали накануне, а некоторые, весьма изысканные на вкус, видели и ели впервые. Без сомнения, если к природному изобилию можно было бы приложить человеческое усердие, этот край стал бы равным, если бы не превзошел наши европейские страны; в долинах журчали бурлящие потоки ручьев, а в земных недрах содержалось огромное количество минералов, достаточное, чтобы удовлетворить самые неумные аппетиты» [Ibid, р. 204–205]. Практически сразу они разворачивают активную деятельность: задают вопросы местным жителям, чертят карты, пытаются определить, где они находятся. Возможно, таким образом, Невилль объясняет доминирующее положение Голландии на Ост-Индских путях, и в этом случае утопический идеал, несбыточная мечта «Острова Пайна» — трудолюбие англичан, посредством которого они могли бы занять главенствующую позицию на мировой арене. Что было бы, если бы гедонизм Джорджа Пайна был заменен прилежанием и усердием утопийцев, помноженными на тягу к знанию жителей Бенсалема? Что было бы, если бы на том самом острове оказался идеальный колонист Робинзон Крузо?

Но все эти смысловые идеи представляются достаточно примитивными для политического и общественного деятеля уровня Невилля. Как ни парадоксально, но эта фантазия об абсолютном воплощении плотских желаний и колониальных амбиций, эта утопия патриархального рая и мирного изобилия может быть прочтена как история человеческой дегенерации, как мрачная антиутопия¹⁴ об абсолютизме, помноженном на упадок нравов и всеобщее изобилие, исключаящее необходимость

какой-либо созидательной деятельности. В этом случае символично само название, так как слово «pine» как существительное означало «punishment» (наказание) или «suffering of the hell» (страдание), а в качестве глагола — «чахнуть», «изнывать».

То есть, по сути, Невилль изобразил общество, зашедшее в политический, экономический, технологический, а, главное, в социально-нравственный тупик. Последнее особенно важно, если вспомнить, что «Остров Пайна» был написан в самый разгар периода, характеризующегося сильнейшей девальвацией нравственных ценностей. Но хотя, как было показано выше, господствующая идеология эпохи была пронизана антипуританским духом, а остроумие почиталось в дворянской среде превыше всего, отношение к нему в английском обществе становилось все более критическим по мере того, как буржуазные круги набирали экономическую и политическую мощь. Такие буржуазно-пуританские ценности, как критическое отношение к себе, объективная самооценка, самообладание и расчетливость в потреблении мирских благ, оказывали существенное влияние на общественное мировоззрение того периода. Конечно, Невилль, несмотря на демократические воззрения, никак не мог быть выразителем настроений среднего класса. Но, с другой стороны, хотя Невилль, потомок старинного аристократического рода, блестящий эрудит, в полной мере обладал тем, что в то время называли «wit», но философия вольнодумцев была ему чужда, как лишенная нравственно-этических ориентиров. Возможно, поэтому, несмотря на двусмысленный сюжет, «Остров Пайна» выглядел в высшей степени целомудренно на фоне произведений Джона Уилмота, герцога Рочестера¹⁵, поэта и одного из основоположников английского вольнодумства. К тому же, трудно представить, чтобы апологет республиканизма, ученик и соратник Джеймса Гаррингтона¹⁶, поддавшись влиянию окружающей его обстановки, опустился до написания исто-

рии, имеющей одну единственную цель — прославление разврата и половой распущенности. Скорее всего, Невилль, человек недюжинного ума, имевший ясное представление об издержках любого политического режима, будь то республика, ограниченная или абсолютная монархия, в форме фривольного анекдота представил тонкую и злую пародию на реставрационную Англию с самыми одиозными ее чертами.

Джордж Пайн, чистокровный англичанин, попадает на остров, который даже в самых смелых мечтах не мог бы себе представить самый отъявленный вольнодумец. Нет соперничества — ни политического, ни экономического, ни военного, ни этнического, ни сексуального; нет никаких запретов, никаких властных институтов; нет никакого намека на общественную мораль и религию. Остров Пайна — это место, где из человеческого существования полностью исключается понятие «труд» — по мнению остроумцев, презренный удел буржуазии и низших классов. Земля настолько плодородна, что отпадает необходимость в земледелии; деревья плодоносят круглый год; реки кишат рыбой; животные настолько мирные, что чуть ли не сами просятся в рот; и даже деторождение представляется как непродолжительный и необременительный процесс, от которого женщины оправляются практически на следующий день.

При этом на острове воссоздана патриархальная модель монархии, наиболее полно разработанная Робертом Фильмером в его произведении «Патриарх». Хотя «Патриарх» был напечатан в 1680 г., спустя двенадцать лет после выхода «Острова Пайна», но основные положения патриархальной теории были сформулированы задолго до Фильмера, еще во времена Елизаветы I и Якова I. Теория гласила, что поскольку истоки власти короля над народом лежат во власти отца над семьей, то власть должна быть неограниченной и беспрекословной. Действительно, Джордж Пайн в буквальном смысле слова являлся отцом и прародителем своих подданных, что давало ему

«законное» право требовать от них полного подчинения и светского и религиозного. Один из законов Джорджа Пайна гласил, что «тот, кто осмелится словом или делом оскорбить правителя, должен быть выпорот плетью и отправлен в изгнание» [13, р. 203]. Определенные ассоциации с обстановкой религиозной нетерпимости Реставрации навевали и законы Пайна, регламентирующие духовную жизнь островитян. «Тот, кто осмелится осквернить имя Божье, должен быть предан смерти. Тот, кто не явится без уважительной причины на службу (под службой подразумевалось ежемесячное чтение Библии) должен быть лишен на четыре дня еды и питья, а если он повторит подобную дерзость, то будет предан смертной казни» [Ibid, р. 202].

Невилль смоделировал на острове «абсолютистский» рай: один монарх, одна нация и полное изобилие. Но проходит несколько десятилетий, и ситуация кардинально меняется. На деле неограниченная свобода оборачивается ханжеством, а оборотной стороной безвластия оказывается деспотизм. То, что считалось естественным во времена Джорджа Пайна, не только осуждается, но и жестоко наказывается законом. За прелюбодеяние мужчину подвергают кастрации, а женщине вырывают правый глаз, замеченных же в повторном грехе, предадут смертной казни. Многочисленное потомство Джорджа Пайна не желает мириться с таким положением дел, и потому на острове то и дело вспыхивают вооруженные конфликты, в один из которых вынуждены вмешаться голландцы. Так парадоксальным образом неограниченная свобода оборачивается ханжеством, а «побочным» эффектом отечески-патриархальных отношений между монархом и народом оказывается деспотизм.

Спустя восемь лет после «Острова Пайна» был опубликован роман «Плавающий остров или новое открытие, включающее в себя описание удивительных приключений, случившихся во время путешествия из Лэмбетаны¹⁷ на Вилла Франка», принадле-

жащий перу Ричарда Хэда¹⁸. Если «Остров Пайна» представлял собой крошечную модель английского общества в утрированных, а кое-где намеренно гиперболизированных негативных проявлениях, то Хэд своим «Плавающим островом» в аллегорической форме отобразил современный ему Лондон и его обитателей. В предисловии к читателю автор отмечает, что «его трактат является своего рода анатомией нашего безнравственного времени, когда порок и тщеславие свили гнездо не только на улицах города, но и под каждым деревенским забором» [10, р. 3].

Повествование ведется от лица героя с говорящей фамилией «Owe much» (должен много. — *Прим. автора*), за свою недолгую жизнь преуспевшего только в искусстве банкротства. Он набирает команду из своих же «безжалостных» кредиторов, после чего снаряжает два корабля и отправляется в путешествие. Перед отплытием на торжественном собрании произносится речь, в которой будущие мореплаватели постановляют «открыть новые территории и колонизировать их», а также распределяют между собой обязанности на корабле. Булочник, портной, виноторговец, молочник, кондитер, книготорговец меняют профессию и становятся юнгами, коками, артиллеристами, лоцманами. На корабле нет лишь эконома, так «в высшей степени глупо вести счета, если никто не собирает их оплачивать» [Ibid, р. 4].

В результате долгого путешествия и сопутствующих ему приключений горе-мореплаватели оказываются на острове, описанию которого и была посвящена большая часть произведения. В отличие от Невилля, Хэда абсолютно не интересовали вопросы политического устройства: не вдаваясь в подробности, он сообщает, что на его воображаемом острове правит вице-король, и его дворец служит надежным убежищем для тех, кто покинул родные места и прожигает жизнь в развлечениях и удовольствиях. Складывается впечатление, что сконструированное Хэдом вымышленное государство

служит лишь средством для осуществления того, что он сам называл исследованием человеческих пороков. Жители острова, по его словам, немногим отличаются от европейцев: они такие же завистливые и жадные до золота и серебра, подобно кочевым народам они постоянно переезжают из одного места в другое, их мысли поглощены капризами моды, их хваленое остроумие — это бессмысленная игра слов. «... их любимые развлечения — это танцы, возлияния и блуд, они считают безвозвратно потерянным тот день, когда они отправились в кровать в здравом уме и трезвой памяти. Если их случайно посетит какая-либо серьезная мысль, они бегут от нее, как от чумы, к спасительной бутылке виски... Они отвыкли передвигаться самостоятельно, используя для этой цели экипажи, которых стало больше, чем людей... Их утонченные носы не чувствуют ничего, кроме запаха табака... Женатые мужчины обладают удивительным даром видеть только то, что хотят видеть, ведь чем красивее жена, тем больший доход она приносит» [Ibid, p. 38].

Перо Хэда рисует убийственный портрет представителя лондонского высшего света: «за минуту они назовут с дюжину таверн с черным входом, откуда можно ускользнуть, не расплачиваясь,.... что же касается их религии, то я буду краток: свобода им видится раем, деньги — ангелом хранителем, их ад — это долговая тюрьма, кредиторы — исчадия сатаны, а в районе Вудстрит расположено их чистилище, где они очищаются таинством уплаты долгов» [Ibid, p. 15].

В «Плавающем острове» выведены представители различных социальных групп и профессий: «... тот, кто много пьет, и мало говорит — это судья; тот, что так громко клацает языком, что заглушает всех остальных — это барристер¹⁹; а тот, кто говорит о том, о чем не имеет ни малейшего понятия — это адвокат» [Ibid, p. 20]. Также на летающем острове существуют несколько школ, в которых оттачиваются в высшей степени необходимые искусства. «Тот, кто

постоянно болтает, то и дело прерывая речь взрывами беспричинного смеха, называется *натуралистом*... Тот, кто за чашкой кофе затевает теологические диспуты и строит воздушные замки, занимается *метафизикой*... Тот, кто сумел устроиться на содержание к состоятельной вдове, преуспел в искусстве *логики*». [Ibid, p. 25].

При этом Хэд никак не увязывает царящие на «Плавающем острове» нравы с его государственным устройством, общественно-политическими, экономическими и социальными условиями жизни, что позволяет рассматривать его роман не как утопическое произведение, а лишь как едкую сатиру на образ жизни современного ему общества. В жанровом плане гораздо ближе к произведению Невилля был «Остров удовольствия», вышедший в свет в 1709 г. и предположительно принадлежавший перу драматурга Эдварда Уорда²⁰. «Остров удовольствия» открывался письмом, в котором автор обращался к некоему другу и, заранее извиняясь за то, что отнимет несколько часов его драгоценного времени, обещал подробно поведать о «государственном устройстве, истории, обычаях и нравах веселых обитателей нашего музыкального королевства» [14, p. 3]. Автор, скрывшийся за псевдонимом «Доктор Весельчак», затруднялся назвать точные географические координаты чудесного острова, так как занятия астрономией там запрещены под страхом смертной казни. Причиной тому было то, что астрономы зачастую злоупотребляют астрологическими прогнозами, в то время как «ничто так не смущает умы и не подрывает основы государственной власти, как фальшивые пророчества» [Ibid, p. 3–4]. Но мягкий, не знающий излишеств климат, позволяет утверждать, что остров удовольствия — это ни что иное, как Эдем, некогда потерянный Адамом. «...зимой нам не нужен огонь, чтобы согреть озябшие пальцы, летом мы не спасаемся от зноя холодным вином, мы не знаем, что такое пыль и грязь, а наши ноги ступают по вечнозеленому ковру из нежной апрельской травы» [Ibid, p. 4].

Лить слезы о потерянном Эдеме —
Вот тщетный труд невежи и глупца,
Лишь волей Всемогущего творца
Мы обретем приют Адама с Евой²¹.

Остров удовольствия — это государство, жители которого не знают, что такое труд: «...Мы ничего не делаем, только едим, пьем, спим, убиваем время песнями, танцами и остроумными словесными поединками» [Ibid, p. 9]. Хлеб произрастает в виде кореньев, которые без малейших усилий извлекаются из земли и под действием солнечных лучей превращаются в ароматные хрустящие хлебцы; деревья сгибаются под тяжестью спелых фруктов, буквально падающих в рот; ягоды винограда, попадая в рот, растекаются изысканным вином; и даже одежда изготавливается насекомыми. Самые почитаемые профессии — это медицина и музыка, причем искусство врачевания практикуется применительно к болезням душевного, а не телесного свойства — меланхолии и боязни смерти. На острове всего три врача — доктор Диета (Dr. Diet), доктор Спокойствие (Dr. Quiet) и доктор Весельчак (Dr. Merryman). Первый корректирует питание пациента, второй вводит его в состояние транса стихами собственного сочинения, а третий дает дюжину «золотых пилюль» и глоток бодрящего напитка. Если же все перечисленные средства не помогут, то надоедливому меланхолику отправляют к праотцам, чтобы он своим унылым видом не портил картину всеобщего веселья. Большим почетом пользуются представители профессий, имеющих отношение к музыке, — композиторы, скрипачи, дудочники, певцы, танцоры, а вот искусство Мельпомены не входит в список развлечений местной публики. «Когда-то у нас была труппа комедиантов, но они не столько играли, сколько ссорились из-за любовниц и размера гонораров, поэтому мы погрузили их на корабль и отправили восвояси» [Ibid, p. 10].

Все вышеописанное изобилие произрастает под эгидой и неусыпным контролем

«благословенной божественным провидением» абсолютной наследственной монархии. Местная королевская династия берет начало от «мудрого короля», который вынужден был покинуть страну, охваченную революцией. С детьми и приближенными король отдался воле бушующей стихии, которая отнесла его к чудесному острову, на котором он правил до конца своих дней под именем Филодеспота I. Автор подчеркивает тот факт, что король, едва вступив на сушу, автоматически стал единоличным собственником земельных территорий и «ради счастья подданных в качестве формы государственного устройства выбрал абсолютную монархию, чтобы предотвратить жителей острова от достойной сожаления судьбы его родной страны» [Ibid, p. 19]. Автор с едва ли не дружеским сочувствием сетует на то, что своим бедственным положением король был обязан неумной гордыне членов сената, возомнивших себя народными представителями и предъявивших права на власть. «Разве не лучше довериться мудрости и благородству одного достойного человека, чем вовлекать себя в бесконечный хаос вражды, к которым неминуемо ведет власть многих?» — восклицал автор, буквально дословно воспроизводя доводы сторонников абсолютной монархии [Ibid, p. 19–20].

Ярко выраженное единоначалие присутствует и в местной системе правосудия: за соблюдением законов следит верховный судья, идеальное воплощение слепой Фемиды. По всей вероятности, автор намеренно утрировал образ судьи и максимально упростил систему судопроизводства, чтобы наглядно продемонстрировать несовершенство английского правосудия. Так, верховный судья заседает с завязанными глазами и, выслушивая каждую из сторон, оборачивается одним ухом, а второе затыкает; он не опирается на «заросшие плесенью» древнее право и юридические прецеденты; а судебное разбирательство проходит без посредников — адвокатов, барристеров, и прочих «паразитов». Жители сами

представляют свои интересы в суде, а так как образование не выходит за рамки обучения чтению и письму, то все находится в равных условиях, не имея тайных преимуществ. Автор вспоминает, что «несколько лет назад были избраны два человека для представления защиты и обвинения, но вскоре они наводнили остров своими соглядатаями, после чего одного из них замуровали в дупло старого дерева, а второй умер от страха» [Ibid, p. 11]. Характерно то, что, несмотря на культивируемые благодущие и беспечность жителей острова, пенициарная система отличается варварской жестокостью, причем речь идет отнюдь не о серьезных правонарушениях – убийстве, воровстве, государственной измене, а о довольно безобидных в плане общепринятых юридических и моральных норм занятиях. Так, жестоко караются вышеупомянутые занятия астрологией – уличенного в этом «преступлении» подвешивают за ноги и безжалостно хлещут кнутом. Учителю танцев, посмевавшему поцеловать свою подопечную, отрезают пальцы ног, чтобы он забыл дорогу в танцевальный класс. А ссоры между соседями и супружескими парами, которые, собственно, и составляют самую распространенную причину судебных разбирательств, наказываются отрезанием языка для наглядной демонстрации того, что «надо трижды подумать, чем открыть рот и что-то сказать» [Ibid, p. 12].

Как и «Острове Пайна», жизненный уклад «Острова удовольствия» поражает парадоксальным сочетанием легкомысленности и ханжества. Его обитатели не производят материальных благ, а исключительно потребляют их, они находятся в постоянном веселье – состоянии неестественном, так как оно поддерживается неким чудодейственным ликером – лучшим средством от меланхолии. Но в то же время на острове царит единый религиозный культ, малейшие отступления от которого караются самым жестоким образом; препровождение досуга строго регламентировано: так карты считаются дьявольским соблаз-

ном, а кости – колдовством, охота и рыбалка запрещены. Самым лучшим способом проведения свободного времени считается дружеская беседа за стаканом волшебного ликера, но так как в список запрещенных тем входят политика и религия, то остается только банальное обсуждение сплетен с соседями. Даже сидя в таверне, жители острова не теряют бдительности, ведь «начав с непристойной шутки, ты рискуешь затронуть священные религиозные догматы, а разговоры о правительстве могут довести до государственной измены» [Ibid, p. 15]. Повсюду царит религиозное ханжество, даже придворные, как не без издевки уверяет автор, «добродетельны как монахини и благочестивы как епископы» [Ibid, p. 21]. Во главе же Церкви мира и согласия стоит епископ, в обязанности которого входит «сохранять церковь в первоначальной чистоте и следить за неукоснительным соблюдением догматов веры» [Ibid, p. 17]. Описывая религию островитян, автор ограничился абстрактными рассуждениями и хвалебными речами, но даже из них можно сделать вывод о характере вероучения, в какой-то мере сочетавшего элементы ортодоксального пуританизма и англиканства. «Постулаты нашего вероучения и отправление культа находятся в строгом соответствии со Священным писанием, и мы не только допускаем, но и единогласно одобряем музыку в храме, так как она очищает душу и приближает ее к божественной гармонии». [Ibid, p. 17].

Автор открыто признается, что жители острова «ничего так не боятся, как изменений государственного устройства, так как, исходя из печального опыта других стран, революции не приносят народу ничего кроме бед и несчастья» [Ibid, p. 4]. И для того чтобы предотвратить любого рода инновации, хороши все средства: даже всячески поощряемое невежество населения «способствует сохранению мира и стабильности и сохраняет в неприкосновенности древнюю конституцию» [Ibid, p. 11].

К минимуму сведено описание экономической жизни острова. Из того, что в процессе создания материальных благ не задействован человеческий фактор и неоднократно подчеркиваемого факта всеобщего изобилия, можно прийти к выводу об отсутствии денежного обращения. Среди жителей острова не развиты ни сельское хозяйство, ни ремесла, единственное исключение представляет торговля, которая сводится к примитивному обмену продуктами. Причем, чтобы исключить фактор негативного внешнего воздействия, и как следствие, разложение нравов, всякие контакты с иностранцами, кроме голландцев, запрещены. Остров находится практически в полной территориальной, политической, экономической изоляции. По словам автора, «голландцы, во-первых, не так развращены, как другие нации, а, во-вторых, принятый среди них принцип свободы совести, делает их неопасными для нашего религиозного культа» [Ibid, p. 23]. Но, тем не менее, даже к ним предъявляется ряд жестких правил, регламентирующих их пребывание на острове: «Чужаки должны держать руки в карманах, ножи во рту, и воздерживаться от горячительных напитков. Это нехитрое правило не позволяет им воровать, обманывать и нарушать общественное спокойствие» [Ibidem]. Любопытно, что беспечность и легкомыслие островитян сочетается с практичностью и деловой хваткой: так, ведя дела с голландцами, они ставят во главу угла и неустанно блюдают собственные интересы. «Мы не такие глупцы, чтобы обменивать лучшее, что мы имеем, на плоды их истощенной, бесплодной почвы, говоря кратко, мы используем их так же, как они используют нас, ни на йоту не уступая им в хитрости и изворотливости». [Ibidem].

Анализ сюжетных особенностей «Острова удовольствия» не оставляет никаких сомнений в его жанровой принадлежности. Достаточно подробное и недвусмысленное описание особенностей государственного и церковного устройства, судебной системы, социальных условий жизни

позволяют однозначно отнести это произведение к антиутопиям. Причем по своему мировоззренческому потенциалу, доказательству того, что в обществе неограниченного изобилия и тотальной регламентации пропадает импульс эволюционного развития и существование отдельных индивидуумов возможно только в условиях отстраненности от ежедневности, в данном случае посредством наркотического опьянения, – это произведение не уступает знаменитым антиутопиям О. Хаксли, М. Замятина, А. и Б. Стругацких.

Таким образом, можно считать установленным, что в период Реставрации и Раннего Просвещения на фоне расцвета консервативно-абсолютистской утопии появляется ее антипод, так называемая «монархическая антиутопия». Авторы этих антиутопий конструировали идеальные социумы по законам и принципам, предлагавшимся идеологами абсолютизма, прослеживали процесс их развития и показывали полученные социальные результаты, отражая, таким образом, свое отношение к системе монархического государственного устройства. Монархические антиутопии, словно в кривом зеркале, отразили идеальные миры М. Кавендиш, Ф. Леграна, Ф. Ли, позаимствовав у них арсенал описательных средств и внешнюю атрибутику, но привнес совершенно противоположный смысл. Так, жители «Острова удовольствия» счастливо живут под неограниченной властью монарха, который, по ироническому уверению автора, «скорее умрет мученической смертью, чем пожертвует спокойствием и благосостоянием своих подданных, конечно, если эта жертва не потребует ради их же собственного блага». [Ibid, p. 20]. Их законы просты и логичны, а единственный имеющийся на острове судья мудр и справедлив, но вышеупомянутая справедливость проявляется исключительно в том, что он накладывает жесточайшие наказания за мелкие супружеские и соседские конфликты. Как и в консервативно-абсолютистских утопиях,

жители острова не знают, что такое свобода совести и свобода слова, их жизненный уклад подчинен строжайшей регламентации. И, наконец, завершающий штрих — волшебный напиток, действие которого вкупе со старательно культивируемым государством невежеством позволяет жителям острова петь, танцевать, веселиться и, самое главное, *не думать*. Не случайно, даже намек на интеллектуальную деятельность или самоанализ (на острове это называется меланхолией) карается смертью. Обитатели «Острова удовольствия» — это беззаботный народ, процветающий под отеческой опекой благородного короля, но под глянцевой картинкой явственно прослеживается мысль о том, что, только погрузив людей в наркотический транс, можно заставить их «наслаждаться» благами абсолютной монархии.

Прекрасно осознавал недостатки существующего политического, экономического и социального укладов реставрированной монархии и Ричард Хэд. В «Плавающем острове» высмеивалось множество расцветших людских пороков, таких как праздность, потворство своим желаниям, ханжество и разврат, но автор не стремился ни выявить их причины, ни предложить какие-либо способы их устранения. Воспользовавшись одним из атрибутов утопического жанра (принцип экстерриториальности — *прим. автора*), он остановился на простом критическом описании нравов, и безусловно талантливый роман Хэда не вышел за жанровые рамки острой социальной сатиры на современную автору действительность периода Реставрации.

Самым же ярким образцом монархической антиутопии, безусловно, был «Остров Пайна» Невилля. С внешне содержательной точки зрения он предвосхитил новый тип утопических романов, получивших широкое распространение в XVIII в. и прославлявших природную простоту и свободу нравов. Но главным, по нашему мнению, является то, что Невилль, используя метод социального моделирования — метод утопии,

изложил свои взгляды на комплекс важнейших политических, экономических, религиозных и этических проблем, будораживших английское общество периода Реставрации. При этом в отличие от классических утопий, в которых дается описание уже существующего идеального социума, Невилль представил историческую динамику развития общества. Он поместил Джорджа Пайна и его спутниц на необитаемый остров, в условия полного изобилия; освободил их от всех нравственных табу, воссоздал патриархальное устройство и показал, что из этого может получиться через несколько десятилетий. Таким образом, сочетание в «Острове Пайна» обоих утопических приемов: отрицание возможности построения идеального — в данном случае абсолютистского общества, доказываемое через описание исторического развития социума, искусственно помещенного в идеализированные условия, дает нам возможность классифицировать это произведение как абсолютистскую антиутопию. В «Острове Пайна» Невилль, с одной стороны, отрицал возможность создания идеального общества, а с другой — представил созданный своим воображением социум в исторической перспективе.

Подводя итоги, можно отметить, что наряду с консервативно-абсолютистскими утопиями, которые являлись апологиями монархического государственного устройства, в период Реставрации появился новый тип утопических произведений, в которых абсолютизм из идеальной модели превращается в объект критики. В этом смысле использование ими в своих произведениях сюжетных и жанровых возможностей утопии в первую очередь вызвано желанием избежать нежелательного цензурного давления. В результате Г. Невилль и Э. Уорд в своих произведениях «Остров Пайна» и «Остров удовольствия» рисуют не идеальное, а, наоборот, «нежелательное» общество, превращая утопию в ее антитезу — антиутопию, а «Плавающий остров» Р. Хэда, в столь минимальной степени использующий утопическую атрибутику, что и к утопии вряд ли

может быть отнесен, трансформируется в блестящую сатиру. В целом же появление произведений Невилля, Хэда и Урда можно рассматривать как свидетельство либера-

лизации общества и глубокого кризиса консервативно-патриархального направления английской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бернет Г. (1643–1715) – богослов и политический деятель Реставрации, участник Славной революции 1689 г. Автор трехтомной «Истории Реформации английской церкви» (1679–1681), перевода «Утопии» Т. Мора (1683).

² Невилль Г. (1620–1694) – английский политический мыслитель, республиканец. Автор «Острова Пайна» (1668), «Возрожденного Платона» (1681).

³ Сидней О. (1623–1683) – английский мыслитель, автор политических трактатов «Придворные максимы» (1665), «Рассуждения о правительстве» (1681–1683).

⁴ Фильмер Р. (?–1653) – английский политический мыслитель, родоначальник патриархальной теории происхождения монархической власти. Автор трактатов: «Анархия ограниченной монархии» (1648), «Патриарх» (1650).

⁵ Лэгран А. (1629–1699) – французский богослов и философ, с 1656 г. жил в Англии.

⁶ Верас д'Алле Д. (1630–1700) – французский писатель, в 60–70-х гг. XVII века жил в Англии.

⁷ Ли Ф. (1661–1719) – английский мыслитель, религиозный философ.

⁸ Кавендиш М. (1623–1673) – английская писательница. Основные труды: «Молитвы» (1662), «Пьесы» (1662), «Дружеские письма» (1662), «Философские письма» (1662), Описание Нового мира, называемого Сияющим миром» (1666), Жизнь Уильяма Кавендиша» (1667), «Пьесы, ранее не печатавшиеся» (1668).

⁹ Конгрив У. (1670–1729) – драматург эпохи Реставрации, автор пьес: «Старый холостяк» (1693), «Двойная игра» (1693), «Любовь за любовь» (1695), «Невеста в трауре» (1697), «Так поступают в свете» (1700).

¹⁰ Фаркар Дж. (1678–1707) – драматург, автор комедий «Путешествие на юбилей» (1699), «Братья-соперники» (1702), «Офицер-вербовщик» (1706), Хитроумный план щеголей» (1707).

¹¹ Уичерли У. (1640–1716) – драматург, автор комедий нравов «Любовь в лесу» (1671), «Джентльмен – учитель танцев» (1672), «Деревенская жена» (1675), «Прямодушный» (1676).

¹² Этеридж Дж. (1634–1691) – один из популярнейших комедиографов Реставрации, автор пьес «Комическое мшение» (1664), «Раб моды» (1676).

¹³ Лэм Ч. (1775–1834) – английский писатель, литературный критик.

¹⁴ Антиутопия – произведение, описывающее, как правило, квазиидеальное общество и стремящееся выделить его негативные черты. Термин «антиутопия» ввел в 1868 г. известный английский мыслитель и экономист Джон Стюарт Милль (1806–1873).

¹⁵ Джон Уилмот, второй граф Рочестер (1647–1680) – поэт и сатирик эпохи Реставрации, один из самых ярких представителей либертинажа.

¹⁶ Гаррингтон Дж. (1611–1677) – выдающийся английский политический мыслитель, общественный деятель, родоначальник английского республиканизма. Основные труды: «Республика Океания» (1656), «Искусство законотворчества» (1659).

¹⁷ Lambethana – производное от Lambeth – пригород Лондона, где расположена резиденция архиепископа Кентерберийского.

¹⁸ Хэд Ричард (1637–1686) – английский поэт, сатирик, драматург, автор популярного романа «Английский распутник» (1665).

¹⁹ Барристер – высшее звание адвоката в Англии.

²⁰ Урд Э. (1667–1731) – английский поэт, сатирик, журналист. Автор многочисленных статей, романа «Путешествие на Ямайку» (1698), а также поэтических переложений «Дон Кихота» Сервантеса (1711–1712) и «Истории великого восстания» Э. Г. Кларендона (1713–1715).

²¹ Пер. И. М. Эрлихсон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лэм Ч. Очерки Элии. – Л., 1979. – 264 с.
2. Мортон А. Л. Английская утопия – М., 1956. – 277 с.
3. Павлова Т. А. Вторая английская республика. 1659–1660. – М., 1974. – 223 с.
4. Ступников И. В. Английский театр. Конец XVII – начало XVIII в. – Л., 1986. – 352 с.
5. Aldridge A. Owen. Polygamy in early fiction. Henry Neville and Denis Veiras // Publications of the modern language association. – 1950. – № 65. – P. 464–72.
6. Burnet G. History of my own time. – Oxford, 1897. – Vol. 1. – 636 p.
7. Chernaik W. Sexual freedom in Restoration Literature. – Cambridge, 1995. – 267 p.
8. Evelyn J. The diary. – Oxford, 1955. – 344 p.
9. Ford W. C. The Isle of Pines: An essay in Bibliography. – L., 2007. – 76 p.
10. Head R. The floating island. – L., 1676. – 48 p.
11. Krutch J. W. Comedy and Conscience after the Restoration. – New York, 1949. – 235 p.
12. Lipson E. The Economic History of England. – L., 1945. – Vol. II. – 556 p.
13. Neville H. The Isle of Pines // Three modern utopias. – Oxford., 1999. – 250 p.
14. The island of content // Utopias of the British Enlightenment / Ed. by G. Clayes. – Cambridge, 2003. – 307 p.
15. W. Cobbett's Parliamentary history. – L., 1808. – Vol. 4. – 1765 p.